

Военная тема в драматургии

История мировой драматургии теснейшим образом связана с военной историей человечества. С античных времен Мельпомена сопутствует Марс.

Большой подбор всенародных сюжетов и военных персонажей в произведениях мировой драматургии легко объясним. Драма способно изображать жизнь в ее критические моменты. Война создает острые коллизии, требующие от участников предельного напряжения физических и духовных сил, приводит в действие все стороны человеческой личности, которая проходит перед нами в своем крайнем, максимальном выражении. Вот почему драматург более, чем представители других родов литературного оружия, тяготится к военной теме.

Если мы обратимся к группе пьес, написанных советскими драматургами в различные годы и выдержавшим испытание временем, то мы увидим, что подавляющее большинство их посвящено темам, связанным с перерастанием империалистической войны 1914—1918 гг. в войну гражданскую, с Октябрьским вооруженным переворотом и гражданской войной. Достаточно назвать «Штурм» В. Бильль-Белоцерковского, «Бронепоезд 14-69» Евгения Иванова, «Разлом» Б. Лавренева, «Любовь Яровая» К. Трепсона, почти все драматургическое наследие Вс. Винницкого, «Гибелъ эскадры» А. Корнейчука, «Человека с ружьем», Н. Погодина, «Интервенция» Л. Славина, «Дни Турбинина» М. Булгакова, «Князь Мстислав Удалого» И. Прута, «Огненный мост» Б. Романова, чтобы составить представление о круге проблем и идейной направленности пьес о революции и гражданской войне.

Лучшие пьесы советской драматургии, посвященные гражданской войне, — произведения глубоко новаторские как по содержанию, так и по форме. В них явственно проступают принципиально новые черты, характерные для литературы социалистического реализма.

В первую очередь это новое качество патриотизма, рожденное революцией, — его классовый и интернациональный характер. Революция породила новый тип бойца — сознательного защитника народной власти, носителя высоких идей классового и национального обновления.

Железная воля и мужество Председателя укома и Братишки («Штурмом»), Бончика и Шварца («Любовь Яровая»), женщины-комиссара из «Оптимистической трагедии», Артема Годуна («Разлом»), Пеклевнова и Никиты Вершинина («Бронепоезд 14-69») — свойства прежде всего социальных. Исключительное ожесточение не религиозное сатирическое и не равнодушное к жизни делают этих людей беспощадными. Этим очень различных по складу и характеру и культуре людей объединяет глубокий оптимизм и подлинный гуманизм. Трагическое в этих пьесах звучит оптимистически, ибо отрадны и гибель бойцов и цепких отрядов освящены величиной цели — борьбой за социалистическую революцию, за смертью героя угадываются жизнь и счастье миллионов.

О мирном строительстве Советской Армии, охватывающем двадцатилетний период (1921—1941 гг.), написано сравнительно немного пьес. Наибольшее количество драматических произведений этого периода было посвящено деятельности советских разведывательных органов и пограничной охраны. Это и понятно. Военная деятельность разведчиков и пограничников не превращается в мирное время, естественно, что этот материал показался наиболее благодатным. Гораздо малочисленнее другая группа пьес, изображающих учебную и воспитательную работу Красной Армии. Самыми значительными произведениями этого периода являются «Бойцы» В. Романова, «Слава» В. Гусева и в особенности «Парень из нашего города» К. Симонова.

Если драматургия гражданской войны создавалась в основном после окончания военных действий, то немало количество значительных произведений отечественной войны написано в самый разгар событий, причем некоторые из них создавались в непосредственной близости к фронту и впервые исполнялись фронтовыми театрами. В военные годы были написаны и получили широкую известность «Фронт» А. Корнейчука, «Русские люди» К. Симонова, «Нашествие» Л. Леонова. 1944 годом помечены «Сталинград» Ю. Чепурина, «Сказка о правде» М. Алигер. Сразу же после победы появился на сцене «За тех, кто в море!» Б. Лавренева и «Победители» Б. Чиркова; несколько позднее — «Последние рубежи» Ю. Чепурина, «Мужество» Г. Березко, «Генерал Ватутин» Л. Дмитриев, «Брестская крепость» К. Губаревича, «На твоей стороне» А. Баринова, в драматургии военной войны написаны и продолжаются традиции пьес гражданской войны, ее боевой патриотический дух. Перечитывая сегодня пьесы, написанные в первом самых ожесточенных боях, мы с удовлетворением отмечаем, что в этих произведениях живут дух интернационализма, воспитанный в нас великими Ленинским, Коммунистической партией. Даже в ожесточении борьбы авторы пьес не склоняются к расовым, шовинистическим концепциям, чуждым советским людям.

При всей значительности успехов советской драматургии в этой области положение с пьесами о Советской Армии и Флоте в последние времена вызывает серьезную тревогу. Пьесы об отечественной войне почти исчезли с театральных афиш. Совсем мало написано новых пьес об армии послевоенного периода: «Призвание» Г. Шатилова и А. Кузнецова, «Тихий океан» И. Прута, «Летчики» Л. Агроновича и С. Листова — вот почти все, что можно назвать.

Почему же не идут пьесы об отечественной войне? Театральные деятели порой говорят: зритель не хочет про войну. Верно ли это? Ведь советский зритель не стал патриотом, он смотрит военно-исторические пьесы, и они имеют успех. Были смотреть новые пьесы и об отечественной войне, но такие, которые глубже осмысливали бы события тех лет с наших сегодняшних позиций. Однако новых пьес мало, а то немногие, что написано в последние годы, не соответствуют требованиям сегодняшнего дня. Будь «Брестская

Дондады печатаются по сокращенной стереотипии.

Александр КРОН

крепость» спасенного драматурга К. Губаревича написана 10—12 лет назад, она могла бы волновать. Показанная в этом году во время декады белорусской литературы и искусства, она оставила чувство неудовлетворенности.

Дело в том, что артист сегодня ждет от драматурга более глубоких обобщений, большего раздумья, большей тщательности и психологической обрисовки. Его интересует наша сегодняшняя военно-философская мысль, наша стратегическая доктрина и воинская мораль, он ищет ответа на волнующие его кардинальные вопросы, и, естественно, его не может удовлетворить натуралистически бескрылый изображение военных событий. «Брестская крепость» могла бы быть трагедией, а оказала лишь устаревшей хроникой. Ибо трагизм судьбы героев еще не делает пьесу трагедией. Трагедия начинается там, где есть позиции и философия.

Весьма скромны достижения драматургов в области изображения повседневной жизни, быта и учёбы советских воинов. Немногое написано об офицерах. И почти совсем ничего — о рядовых солдатах и матросах.

Конечно, во всем этом повинны прежде всего мы, литераторы. Но вину должны разделить с нами и военные товарищи.

В начале войны в армии флота пришли десятки литераторов. Их писали хорошую боевую школу, и результаты быстро показались. Но отремели пушки, начались демобилизации, писатели сняли гимнастерки и китель, надели пиджаки и вернулись в прежней жизни. Постепенно обобрались фронтовые связи, знания и навыки повсюду остались. А товарищи, которым надлежит заботиться о завтрашнем дне военной литературы, спокойно взирают на то, как дискалифицируются в военном отношении литературные кадры. Без военной книги, без специальной консультации, без живой связи с частями и кораблями писатели поневоле отходят от военной темы.

История, что нам не нужно маскировать свои цели, еще не следует, что наша художественная пропаганда может быть любой и умозрительной. Никому не нужны ложные в костюмах и гримах. Необходимо в образной, эмоционально доходчивой, способной историгать слезы и вызывать смех, волнующей форме противостоять спасению, наше понимание жизни, борьбы, подвига.

Нам нельзя замыкаться в узком кругу. Казалось бы, в чем оборонное значение пьес о любви и браке? А если вдуматься, оно огромно. Война разлучает, а передко и разрушает семьи. К этому можно относиться по-разному.

Вот одна из возможных концепций: мужчина, война неизбежна, ты будешь солдатом, потомок! Тебе предстоит разлука. Поэтому что заводы прочных привязанностей, ты найдешь себе женщину, у которой, к сожалению, нет — передать личные впечатления о том или ином этапе событий или изобразить события по документам и материалам современников, то есть создаст записки, или очерк, или документальную повесть. В качестве примера можно было бы привести книги С. Смирнова «Сталинград на Днепре», «Кавказские записки» В. Закруткина, «Тенехох» «Кахетия» О. Джигурда. Эта книга цепна тем, что автор сумел сохранить точку зрения на военные события, которая характерна для советского военного врача.

Потом надо договориться: театр слишком дорогой и громоздкий способ для передаваний устава и забылок военного дела. Это можно прекрасно делать без помощи искусства. Театр может оперировать только языком человеческих характеров, а не установками и схемами.

И тут надо договориться: театр слишком дорогой и громоздкий способ для передаваний устава и забылок военного дела. Это можно прекрасно делать без помощи искусства. Театр может оперировать только языком человеческих характеров, а не установками и схемами.

Каковы же ближайшие задачи военных драматургов? Прежде чем перейти к этому вопросу, — несколько слов о том, что делают в интересующей нас области искусства наши идеальные противники. Надо научить врага, что для своей любви — женщины или невесты — ты единственны, незаменимы: тебя будут ждать, если нужно, то многие годы. Будь спокоен за своих детей, им помогут. Будь спокоен за своих друзей — не изменят.

Вот почему стихотворение К. Симонова «Жди меня» находится на вооружении Советской Армии. За него бойцы благодарили писателя, именем которого названы воинские части. Но не для того, чтобы повторять его, а чтобы ответить на него контрановром.

Свой воспитательные функции буржуазное искусство выполняет иногда достаточно-

точно, принося к сознанию зрителей сложными каналами, отлично учитывая вкус и психологию массового зрителя.

Приведу пример из смежной с театром области — кино. Мне пришлось увидеть американский фильм «Летчик-испытатель». Его сюжет таков. Нужда заставляет героя, рядового пилота, взятого в трудное и опасное ремесло испытателя новых машин. Владелец фирмы — хам и бездушный дилет, товарищи — пыльцы; несчастные случаи часто. Во время одной из вынужденных посадок герой знакомится с девушкой и влюбляется в нее. Женитьба. Любовь к жене заставляет героя еще больше тяготиться своей профессией. В конце концов по настоянию жены он переходит на более спокойную работу — становится инструктором, обучающим молодых летчиков.

Для чего поставлен этот фильм? Может быть, для того, чтобы осудить бесправие, разоблачить эксплуатацию труда летчиков? Нисколько. Фильм сделан на деньги Центагтона и является вербальным.

Надо видеть это как кажется маловажным. Кому захочется стать испытателем после этой мрачной, посимволичной истории?

Надо сделать так, чтобы существующие военные и флотские театры опять, как в военные годы, приняли активное участие в создании пьес на оборонные темы, чтобы созданные десять лет назад кадры драматургов, а также прозаиков, поэтов, очеркристов, которые могут стать драматургами, не отрывались от военного материала и не дискалифицировались. Эти кадры нужны пополнить, иной задачи, стоящие перед нами, велики, а у нас и в последовавшие годы были потери, которые несложно восполнить.

Надо сделать так, чтобы существующие военные и флотские театры опять, как в военные годы, приняли активное участие в создании пьес на оборонные темы, чтобы созданные десять лет назад кадры драматургов, а также прозаиков, поэтов, очеркристов, которые могут стать драматургами, не отрывались от военного материала и не дискалифицировались. Эти кадры нужны пополнить, иной задачи, стоящие перед нами, велики, а у нас и в последовавшие годы были потери, которые несложно восполнить.

Сценарист и режиссер фильма хорошо изучили своего зрителя — среднего американца. Они знают его спортивный, грубый характер, его трезвость и практицизм. Они не боятся испугать его правдивым изображением опасностей, связанных с профессией испытателя. Вернее сказать, они знают, что им все равно не

удалось бы скрыть истину. Трезвый американец твердо знает, что в его стране никто не станет платить летчику тройной оклад просто так, за «здоровье живущего».

Дороже — значит труднее и опаснее.

Но если так, то зачем нужен фильм?

— Ты будешь заниматься трудным и опасным делом, — говорят авторы фильма своему зрителю (то есть будущему летчику-испытателю, а также его родственникам и друзьям). — За это тебе будут платить дороже, чем другим. Ты становишься человеком, овеянным своеобразной, несколько мрачной романтикой. Ты накрываешь, на тебя подают сама красивая и изящная девушка, ибо женщины свойственны преклоняться перед смельчаками. Ты зависишь от босса, так было раньше и так будет всегда, но босс будет с тобой считаться и даже поблаговаться твоей, когда ты первничашь перед поддатом. Ты сможешь его обругать и даже взять за шиворот (в фильме есть такой эпизод), и это тебе сойдет с рук. Ты нужен, и даже босс будет испытывать к тебе почтение, но одно качество должно присутствовать неизменно — правдивое изображение времени, соответствствие всей книги в целом духу трудной и победоносной войны, соответствие правде каждого ее этапа.

Трудно выделить в художественной литературе строго отграниченный документальный жанр. Есть жанры поззи, прозы, драматургии, очерка, и в каждом из них могут быть произведения документальные.

Известно, что создатели одной из лучших книг советской патриотической литературы Д. Фурманов долго не мог решить, как определить жанр «Чапаева». Писатель называет ее очерком и только потому, что в нем было предложено изображение генерала Чапаева для публикации в «Правдивом Сталинграде». Тогда же Е. Герасимов, автор «Бронепоезда», назвал свою книгу «Записки советского офицера».

Г. Пенежко, работая над сборником рассказов об обороне Сталинграда, по существу, не изображает, рассказывает, а иллюстрирует.

Всю книгу Е. Герасимова называют «Бронепоездом», а Г. Пенежко — «Бронепоездом Сталинграда».

В области литературы записи особенно много и хорошо работал Е. Герасимов. Он написал рассказ не только Коневу, но и многих конваковцев, помог в работе над книгой «Записки советского офицера» Г. Пенежко, работая над сборником рассказов об обороне Сталинграда.

Каждая художественная книга о Великой Отечественной войне в какой-то мере иконография. В ней может быть любой сюжет, любые жизненные коллизии, но одно качество должно присутствовать неизменно — правдивое изображение времени, соответствование всей книги в целом духу трудной и победоносной войны, соответствие правде каждого ее этапа.

Трудно выделить в художественной литературе строго отграниченный документальный жанр. Есть жанры поззи, прозы, драматургии, очерка, и в каждом из них могут быть произведения документальные.

К сожалению, в нашей писательской среде мы часто стыдимся с подходом к документальной литературе как к литературе второго сорта. Это находит свое выражение в частности, в правовых нормах, в которые поставлены авторы литературных записей.

Есть произведения, где писатель, пропагандируя, создает иллюзии, вымышленные или типичные обобщения и различия в поведении людей из разных исторических эпох.

К сожалению, в нашей писательской среде мы часто стыдимся с подходом к документальной литературе как к литературе второго сорта. Это находит свое выражение в частности, в правовых нормах, в которые поставлены авторы литературных записей.

К сожалению, в нашей писательской среде мы часто стыдимся с подходом к документальной литературе как к литературе второго сорта. Это находит свое выражение в частности, в правовых нормах, в которые поставлены авторы литературных записей.

К сожалению, в нашей писательской среде мы часто стыдимся с подходом к документальной литературе как к литературе второго сорта. Это находит свое выражение в частности, в правовых нормах, в которые поставлены авторы литературных записей.

К сожалению, в нашей писательской среде мы часто стыдимся с подходом к документальной литературе как к литературе второго сорта. Это находит свое выражение в частности, в правовых нормах, в которые поставлены авторы литературных записей.

К сожалению, в нашей писательской среде мы часто стыдимся с подходом к документальной литературе как к литературе второго сорта. Это находит свое выражение в частности, в правовых нормах, в которые поставлены авторы литературных записей.

К сожалению, в нашей писательской среде мы часто стыдимся с подходом к документальной литературе как к литературе второго сорта. Это находит свое выражение в частности, в правовых нормах, в которые поставлены авторы литературных записей.

К сожалению, в нашей писательской среде мы часто стыдимся с подходом к документальной литературе как к литературе второго сорта. Это находит свое выражение в частности, в правовых нормах, в которые поставлены авторы литературных записей.

К сожалению, в нашей писательской среде мы часто стыдимся с подходом к документальной литературе как к литературе второго сорта. Это находит свое выражение в частности, в правовых нормах, в которые поставлены авторы литературных записей.

К сожалению, в нашей писательской среде мы часто стыдимся с подходом к документальной литературе как к литературе второго сорта. Это находит свое выражение в частности, в правовых нормах, в которые поставлены авторы литературных записей.

К сожалению, в нашей писательской среде мы часто стыдимся с подходом к документальной литературе как к литературе второго сорта. Это находит свое выражение в частности, в правовых нормах, в которые поставлены авторы литературных записей.

Английские рабочие бастуют

Пятый день бастуют железнодорожники Англии—свыше 70 тысяч машинистов и кочегаров, требующих повышения заработной платы. Это—крупнейшая забастовка со временем всеобщей забастовки 1926 года. Как и тогда, парализована вся жизнь страны. Не ходят пассажирские поезда, прекратилась перевозка грузов. К тому же бездействуют и основные порты страны, включая Лондон, Ливерпуль и Манчестер: еще до железнодорожников прекратили работу 20 тысяч грузчиков и докеров. Переброска сырья на автомобиле не может обеспечить бесперебойного снабжения заводов. Английская печать пишет, что в ближайшее время промышленность может оказаться без угля, так как по железнодорожным дорогам на предприятия доставляется около 88 процентов топлива. А это означает, что многие заводы, особенно металлургические, будут вынуждены прекратить работу, если забастовка продлится еще несколько дней. «Страна оказалась перед одним из самых серьезных промышленных кризисов со временем окончания войны», — пишет лондонская «Таймс».

Итак, первые же дни после выборов пришли тяжелые заботы английской правящей партии. С первого июня в стране введен чрезвычайное положение. Английские обозреватели с горькой ironией пишут о том, что консервативная партия, потопившая приближение выборов, не сумела вкусить радости от своей победы. Даже буржуазная печать, призывающая к молчанию на головах бастующих, не скрывает того, что массовые забастовки выходят за рамки частных требований того или иного профсоюза. Речь идет о глубоком недовольстве трудящихся Англии своим положением, вызванным серьезными экономическими затруднениями страны.

Английский народ пожинает горькие плоды гонки вооружений, непосильных военных расходов, участия Англии в военных блоках в Европе и Азии. За годы пребывания у власти консервативного правительства повышались налоги, неуклонно росли цены (только лишь на продовольствие они увеличились с января 1952 года по январь 1955 года на 19 процентов). Заработка плата английских рабочих и служащих резко отстает от роста цен, жизненный уровень населения снижается с года в год.

Неудивительно, что страну потрясает мощная волна стачечного движения. Едва предпринимателям и правительству удаётся урегулировать конфликт в одной отрасли промышленности, как возникает забастовка в другой. Совсем недавно бастовали рабочие лондонских типографий: почти на месяц Англия лишилась газет. Вслед за этим прекратила работу горняки Йоркшира—забастовка, начавшаяся на шахте Аркторп, охватила 90 тысяч человек. Наконец, последнюю забастовку докеров и железнодорожников говорит о небывалом размахе борьбы английских трудящихся за свои жизненные права.

Буржуазная печать пытается запугать бастующих, заставить их отказаться от своих требований и прекратить забастовку. «Дейли экспресс» угрожает железнодорожникам безработицей. «Дейли мейл» называет забастовку «бесмысленной». А газета «Дейли скетч», пускаясь в демагогические рассуждения, призывает рабочих уступить, чтобы не уничтожить весь процесс производства, который является образцом промышленной демократии во всем мире». Не стоит вдаваться в то, что подразумевает «Дейли скетч» под промышленной «демократией» и какие «образцы» она имеет в виду, тем более, что от сладких речей газета легко переходит к угрозам и предупреждает правительство «действовать беспощадно по отношению к бастующим».

Если одно: английские правящие круги находятся перед лицом серьезного кризиса, портящего экономическую жизнь страны, кризиса, который является прямым следствием политики гонки вооружений.

На снимке: демонстрация бастующих рабочих на улицах Лондона.

Снимок из английской газеты «Дейли уоркер».

Телепропаганда преступлений

Что показывают на телевизионных экранах в США? Красноречивым ответом на этот вопрос могут служить рисунки, взятые нами из буржуазных американских журналов «Сатердей инвинг пост» и «Кольер».

Рисунок первый. Груда трупов. Кто кого убил—неясно, да это и несущественно. Диктор ново-йоркской телевизионной студии равнодушно объявляет: —Вы смотрели детективную пьесу.

Рисунок второй. Груда трупов. Кто кого убил—неясно, да это и несущественно. Диктор ново-йоркской телевизионной студии равнодушно объявляет: —Вы смотрели детективную пьесу.

Рисунок третий. Дети с напряженным вниманием следят за тем, как оскаливший зубы злодей заносит над женщиной руку с кинжалом.

Мате семейства спокойно объясняет гостью: —Это новая программа. Она называется «Детский час».

Мудрено ли, что, из года в год следя за такими «детскими» передачами, десятки подростков в Соединенных Штатах сами становятся преступниками.

МОРСКИЕ ВОРОТА ПОЛЬШИ

Когда назовешь Гданьск, то нередко услышишь восторженное:

— О! Сопот!

Но чаще звучит другое:

— Гданьск? О! Сточия!* Гдыня!

Чтобы понять это, надо знать недавнее прошлое Польши и обязательно увидеть ее сегодня. Вспоминаются годы, предшествовавшие началу второй мировой войны. Исконнопольский город Гданьск у видения Вислы в Балтийском море именовался «вольным городом Данцигом». Еще Версальский договор превратил его в «республику» под протекторатом Лиги наций. А фактически вся его политическая и экономическая жизнь находилась в руках немцев. Вокруг Данцигаились дипломатические интриги, он служил очагом беспокойства в Европе. Гитлеровцы требовали его аннексии...

Но земли этого «вольного» города и расположенного Сопота — небольшое курортное местечко. Прекрасна здесь природа. Невысокие горы, густо покрытые хвойным лесом. Сквозь зеленую чаще, как изящные грибы, краснеют черешневые кроны коттеджей. А рядом море. Чудесный песчаный пляж. Между горами и морем лежит Сопот — небольшие аккуратные домики, магазины, тенистый парк и гостиница «Гранд-отель». Раньше при гостинице было казино, после Монте-Карло второе в Европе. Летом сюда съезжались богачи чуть ли не со всего континента. Население города, на 60 процентов состоявшее из немцев, жило тем, что обслуживало приезжих.

Рядом с Сопотом шла граница Данцига и Польши. За ней Гдыня — единственная портовая деревня Польши.

Правители панской Германии называли этот небольшой, плохо оборудованный порт «бройном в свете», то есть «воротами в мир».

Сейчас Данциг вновь стал Гданьским — крупным промышленным центром и портом Польской Народной Республики. И славу ему составляет большая судостроительная верфь, стоящая.

Сейчас Гдыня вновь стала Гданьской ильиной, как наше, уезжают надолго. А когда возвращаются, каждый раз видят поэто. Вот я был в Баранаве год назад. Сейчас прилетел: сколько же построено за это время! И самое замечательное — Дворец науки и культуры — подарок советского народа.

Капитан «Варшавы» Збигнев Рожновский — старый морской волк. Отец его работал железнодорожником, некоторое время жил в России. В 1919 году переехал в Польшу. Сына он устроил в морскую школу, — в старой Польше без связи это было

Г. ФЕДОРОВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

Англию. А сейчас мы вызываем также автомобили, тракторы, паросы, вагоны, рельсы, химические продукты. Вот как растет наша промышленность.

В офицерской кают-компании, куда мы зашли, за столом сидели штурманы, механики — люди все молодые, крепкие и веселые, — был час обеда. Стивар Чеслав Жабчинский подавал большие мясные кишеры, борщом, отбивные котлеты, компот, кофе.

Воспользовавшись свободной минутой, стюард спешит поделиться с нами последними новостями. Над «Варшавой» шефствует коллектив столичного автомобильно-автомобиля завода. Недавно шефы пригласили моряков к себе в гости. И вот Жабчинский с другими матросами и офицерами вышел на самолет в Баранаву. Две дни спустя они в гостинице «Бристоль» побывали у шефов на заводе, слушали концерт в филармонии, смотрели оперу.

Вы понимаете меня, — пытаются объяснить он по-польски, — моряки на тайной линии, как наши, уезжают надолго. А когда возвращаются, каждый раз видят поэто.

Вот Станислав Солдек. Его именем назван первый корабль, спущенный со стапелей гданьской верфи. Солдек пришел сюда в 1945 году простым рабочим. Своим трудом он завоевал славу, по нему равнялись другие. Слава, однако, не иснула Солдеку голову. Не оставляя работы, он занялся техникой, потом получил диплом инженера. Сейчас это один из ведущих специалистов верфи.

Молодость новой Польши — это прежде всего ее люди.

Вот Станислав Солдек. Его именем назван первый корабль, спущенный со стапелей гданьской верфи. Солдек пришел сюда в 1945 году простым рабочим. Своим трудом он завоевал славу, по нему равнялись другие. Слава, однако, не иснула Солдеку голову. Не оставляя работы, он занялся техникой, потом получил диплом инженера. Сейчас это один из ведущих специалистов верфи.

Вот Томаш Малик. Он тоже пришел простым рабочим в 1945 году. Ныне Малик — начальник цеха, где производится гибка различных частей для корабля.

Малика мы застали в цехе, где не утихал железный грохот. В нем тонули даже немецкие слова, которые я понимал. Потом мне объяснили: Малик рассказывал, как вместо горячей гибки разработал очень простой и легкий способ ходовой гибки. Если пять лет назад на обработку деталей для одного судна тратили 2—3 месяца, то сейчас за месяц обрабатывали детали для четырех кораблей.

Мы побывали и в Государственной морской школе, которая готовит офицеров — навигаторов, механиков, радиотехников и электромехаников — для торговых кораблей.

Школа занимает в Гдыне целый квартал. Здесь учебные классы, прекрасно освещенные мастерские, спортивные залы. В 1938 году школа выпустила всего 24 человека. Но из этого числа не все смогли найти себе работу. В 1954 году было подготовлено 200 офицеров. И все же школа не смогла удовлетворить потребности расширяющегося торгового флота.

Более тысячи воспитанников вышло из этого учебного заведения после войны. Одних из них говорят здесь с гордостью и уважением. Стефан Бранглович, например, окончил школу в 1947 году. А ныне он капитан большой рыболовной флотилии, действующей в Северном море.

Тяга польской молодежи в морскую школу очень велика. В прошлом году, например, на 100 мест было подано 14 тысяч заявлений.

Мы видели будущих моряков на занятиях, на футбольном поле, в мастерских. Практически все из них учатся на энергичную, жизнерадостную молодежь, у которой ясное будущее.

И словно для контраста случай свел нас с людьми иного мира.

Встреча эта произошла в Интернациональном клубе моряков. Здесь мы познакомились с Иоганнесом Лоренцем, моряком с портвейской верфи, который говорил, что по возвращении в Польшу нас отправят в Сибирь. В 1948 году у него уже стал капитаном. То, что мне, беспартийному человеку, родина доверила такой большой корабль, как «Варшава», на ответственной линии Гдыни — Китай, — я очень чувствую, сердце чувствует. Правда, жена моя всегда боится, когда уходим в Китай. Американцы, чайкачники! Не было еще ни одного рейса, чтобы на нем не кружили американские самолеты. Чайкачники захватили два наших корабля. Но я говорю жене: ничего! Плавали, плывем и будем плавать!

Рожновский спрашивал меня: — А дальше?

— Дальше? — Как вилите, я не в Сибири. Когда приехал, меня послали старшим офицером на корабль «Катовицы». В 1948 году я уже стал капитаном. То, что мне, беспартийному человеку, родина доверила такой большой корабль, как «Варшава», на ответственной линии Гдыни — Китай, — я очень чувствую, сердце чувствует.

При этом я не могу сказать, что пережил он много. Но профессия Лоренц механик, он на капитане «Елизавете Янсен» плывет китайской гавани.

— Почему же кочегаром? — удивился мы.

— Такова жизнь, — горько усмехается моряк.

Родом он из Латвии, живет в Шотландии, на 100 мест было подано 14 тысяч заявлений.

— Беспработница, — поясняет Лоренц. Когда-то и польским морякам было так же трудно. Я в Гдыне плавал давно, знаю.

...Гдыню мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт. Но море еще светилось ленивыми переливами волн. На светлом пологе его виделись силуэты двух больших кораблей, они направлялись в порт. Им навстречу шел белый стройный корабль, на корме которого было прочтено: «Варшава».

Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

...Гдынь мы покидали под вечер. Солнце село в сизую мглу, закрывавшую горизонт.

<p